

Когда ж ее издалека подмечу,
Склонив во прах покорное чело...

В отличие от 1819 г. во втором «Унынии» слово, вынесенное в заголовок, наполнилось буквальным смыслом. Спор с самим собой ведет Вяземский и говоря о «смирении». Мы знаем, какова была природа этого образа в стихотворении 1819 г. («дум смирил порыв», «в смиреньи клятву дал»). Вяземский 1858 года послушен судьбе, не помышляет о сопротивлении или борьбе:

Смиренно жду, когда минует туча
Иль, разразившись, сердце опалит.

При столь тесной связи с варшавской элегией, второе «Уныние» не могло не оказаться внутренне связанным и со стихотворением «К ним». Вторая строфа «К ним» больше других подверглась очищающим исправлениям Пушкина. Он подчеркнул в стихе «Ему подвластные он обрекает дни» два первых слова, взял их в скобки и напротив написал «наши дни» взамен этих слов. Пушкин, как предполагает М. И. Гилельсон, хотел избавиться от эпитета «подвластные»¹². Тогда, в 1830 г. Вяземский оставил это место без учета поправок в своем первом варианте. То, что Вяземский не воспользовался советом Пушкина, так много значившего для него, говорит, что эти два слова «ему подвластные» очень важно было сохранить поэту. Дар судьбы — то, что отличает поэта от «счастливых», людей с другим идеалом счастья. Счастье поэта — «мир чистой совести и хладный мир чела». Этому дару судьбы — «покою и вольности» — подвластны дни. Очевидно, что Вяземскому важно было подчеркнуть, что поэт, обладающий этим даром, властен сам выбирать путь в жизни.

Во втором «Унынии», проникшись сознанием бессилия, зависимости от обстоятельств и невозможности собственного выбора пути, Вяземский изменяет прежний, не понравившийся Пушкину, эпитет на антонимичный. Естественно изменяется и общий смысл строфы:

О чем заботиться? Без нашей воли
Прядется нить дней *неподвластных* нам,
Не мы себе предназначаем доли,
Куда идти? По терням иль цветам?

Как пассивен и жалок автор этих строк по сравнению с автором элегии «Уныние» и стихотворения «К ним»!

Можно предположить, о каких «далеких грозах», ужасных для Вяземского, идет речь, сопоставив эти стихи с «К ним», где гроза — образ декабрьского восстания — «прожгла незримую стрелою». «Грозы», упоминаемые во втором «Унынии», далекие не только потому, что теперь поэт от них в стороне, они ему «вчуже». Переосмысливается и другой важнейший образ «Уныния» — труд. В стихотворении 1819 г. он возвращал к жизни, был живым источником новых сил, целителем сердечных ран. Вяземский наделил его тогда эпитетом «благодатный».

Во втором «Унынии» Вяземский пишет о своем труде поэта так:

Насильственным трудом себя не муча —
Труд немощи моей не победит...

и это звучит контрастно с тем торжественным воспеванием труда, которое мы наблюдали в элегии. Второе «Уныние» вообще далеко от торжественности, от того «одического стиля», которым, как заметила Л. Я. Гинзбург, написаны и элегия «Уныние», и «К ним»¹³. Здесь славянизмы реже, синтаксис проще, а язык часто близок к разговорному.

¹² См. Гилельсон М. И. П. А. Вяземский. Жизнь и творчество. Л., «Наука», 1969, с. 287.

¹³ Гинзбург Л. Я. Указ. соч., с. 20.